

Прямая речь

Владимир Алексеев: «ВСЕ МЫ НЕМНОЖКО СТАРООБРЯДЦЫ!..»

ЕЩЕ ОДНО ОТКРЫТИЕ СИБИРИ

— И так, в отечественной археографии появилась уникальная «сибирская методика», которую академик Лихачев назвал «открытием Сибири!»
Что потом?

— Первая экспедиция состоялась в 1965 году. В дальнейшем археографы отправлялись в путь по Сибири раз, иногда два раза в год. В результате археография оказалась одним из ведущих гуманитарных направлений в Сибирском отделении Академии наук СССР.

Такой статус она приобрела исключительно благодаря энтузиазму, настоящему подвижничеству Елены Ивановны Дергачевой-Скоп, стоявшей у истоков сибирской археографии. Защитив в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) кандидатскую диссертацию, оппонентами которой выступили академик Д. С. Лихачев и будущий академик А. М. Панченко, Елена Ивановна получила от одного из основателей гуманитарного факультета, профессора К. А. Тимофеева, приглашение на работу в недавно созданный Новосибирский университет. Как специалист в области древнерусской литературы, она читала на гуманитарном факультете множество разнообразных курсов, вела семинары, практические занятия со студентами, проводила студенческую фольклорную и археографическую практику. Для многих студентов она стала не только наставником и учителем, но и другом.

Началу археографической работы в Сибири активно способствовал секретарь Отделения исторических наук, председатель Археографической комиссии АН СССР М. Н. Тихомиров. Перед смертью Михаил Николаевич завещал свое уникальное собрание древнерусских книг, исторических документов и икон Сибирскому отделению Академии наук СССР. Количество предметов собрания значительно превышало тысячу экземпляров. Самые ранние были датированы

Участники одной из первых археографических экспедиций в Забайкалье. 1968 г.

XIII—XIV веками. Характерно, что произошло это после публикации отчета о первой нашей сибирской экспедиции в 1965 году в «Археографическом ежегоднике» в Москве.

— **Как вы познакомились с академиком Лихачевым?**

— Впервые я встретился с Дмитрием Сергеевичем в Ленинграде, во время защиты диссертации Елены Ивановны Дергачевой-Скоп. Когда он в 1969 году приезжал в Новосибирск, я служил в армии. После четырех экспедиционных сезонов наша команда стала достаточно широко известна. Мы опубликовали научные результаты своих археографических поездок. Советская пресса отнеслась к подобным изысканиям с большим интересом... Группа молодых советских ученых ездит по глухим закоулкам Сибири и разыскивает древние книги! Материал почти сенсационный! Люди, о которых рассказывали всеююзные газеты, приобретали всеобщую известность. Ведь интернета еще не было!

Дмитрий Сергеевич уже тогда был одним из крупнейших академиков-гуманитариев, признанным в научных кругах СССР и всего мира. Поэтому его приезд в Новосибирск стал для научной общественности города большим событием. Когда он посетил библиотеку, ему показали наш отдел редких книг и рукописей и рассказали о работе подразделения, единственным штатным сотрудником которого и до службы в армии, и после нее был я... (Смеется.)

Через некоторое время после демобилизации мне и Елене Ивановне предложили поехать на трехмесячную стажировку. В те времена стажировка для молодых сотрудников Академии наук предполагалась либо в Москве, либо в Северной столице. Мы оба мечтали поработать в Пушкинском Доме и питерских библиотеках. От перспективы окунуться в питерскую научную жизнь

и в богатейшие хранилища памятников древнерусской книжности отказаться было невозможно! Вскоре мы оказались на стажировке в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома, возглавляемом Д. С. Лихачевым.

Лихачев проявил интерес к нашей работой и вместе с А. М. Панченко написал статью об «археографическом открытии Сибири». В ней были подробно описаны сибирские находки и оценено их значение с точки зрения истории литературы. После этого мы начали смотреть на свою работу как на вклад не только в историю литературы, но и в культуру нашей страны. Мы осознали, что старые книги есть отражение духовной жизни человека. Это значительно расширило горизонты научного поиска. Если смотреть с более широких общекультурных позиций, археографические находки в Сибири открывали новые возможности для постижения собственной истории.

Судите сами: начиная с середины XVII века, уходя от религиозного преследования в глухую Сибирь, старообрядцы забирали с собой из России самое для себя ценное. Получается, книги составляли неотъемлемую часть духовной жизни простых людей того времени!

Однажды нам попала в руки толстенная — в две ладони толщиной — рукописная книга с нотами, писанными крюками. Так записывали музыку в России вплоть до конца XVII века. На этом фолианте сохранился фрагмент записи о том, что сию книгу кто-то продает в 1642 году в Якутском остроге на великой реке Лене... Из этого можно сделать выводы, что некий русский человек полтысячелетия назад пешком или на перекладных тащил тяжеленную книгу с собой «на великую реку Лену»! Если считать от Москвы, он проделала путь почти в девять тысяч километров! Это полгода пути, в течение которого вышеупомянутый том приходилось нести на себе!

Вместо того чтобы положить в переметную суму лишний куль сухарей или пшена, пороха, свинцовых пуль или хотя бы запасной топор, человек берет с собой нотную книгу. Почему? Кто он такой? Ведь знать крюковую нотную грамоту мог только весьма искушенный в этом вопросе человек!

Раз мы пришли к выводу, что эта книга была крайне важна для обладателя, сам факт ее продажи говорит о крайней нужде. И на задворках Российской империи находится человек, готовый заплатить деньги, чтобы, как и прежний хозяин, обладать этой духовной ценностью!

— **Крайне интересно!**

— Мне тоже! Я носил эту книгу в милицейскую криминалистическую лабораторию с просьбой восстановить целиком надпись о продаже. Была надежда, что по документам, касающимся Якутского острога, мы сможем установить личность хозяина книги и проследить хотя бы часть его жизненного пути. К сожалению, криминалистика помочь не смогла...

Записи и пометки на полях книг — целый пласт для изучения. Есть вещи совершенно душещипательные! Вспомним надпись: «Доживу ли я до будущего года? Буду ли читать эту книгу?» Всего несколько слов, а как много они говорят! Всего несколько слов, а как много нам говорит эта запись о ее авторе! Ведь, по сути, этими двумя фразами он выражает суть человеческого существования, как он сам это понимает: дожить до будущего года — для чего, с какой целью? — чтобы читать книгу, «лекарство душевное»! Потрясающе просто! И пишут ведь простые люди...

Прогулка в дачном поселке Комарово под Ленинградом. Слева направо: Н. Ф. Дробленкова, Е. И. Дергачева-Скоп, А. Дробленков, Д. С. Лихачев, О. П. Лихачева, О. А. Адрианова. 1973 г.

— Эти нюансы выходят за рамки истории древнерусской литературы...

— Конечно! Дмитрий Сергеевич Лихачев был тонким знатоком всего, что имело отношение к русскому средневековью, и понимал подобные детали очень хорошо.

Помню, как мы с Еленой Ивановной в начале 1970-х навестили Дмитрия Сергеевича на даче в Комарово, дачном поселке Академии наук СССР. Он был бодр, полон сил и предложил перед обедом прогуляться по дачному поселку. И мы «гуляли» не менее трех часов! Беседа получилась крайне занимательной... На экраны Советского Союза как раз вышел фильм Тарковского «Андрей Рублёв». О нем мы и спорили!.. Дмитрий Сергеевич был категорическим противником этого фильма. Говоря об этой киноновинке, он просто негодовал!

— Что его так выводило из себя?

— То, что с точки зрения исторической достоверности изображенное в кино не имеет никакого отношения к русскому средневековью! Я же пытался доказать, что Тарковский не ставил перед собой задачу показать зрителю именно это. Пользуясь древнерусской тематикой как аллегорией, он пытался показать взаимоотношения художника и власти в современную ему эпоху.

Достаточно вспомнить один из самых, на мой взгляд, гениальных эпизодов, где Ролан Быков играет скомороха. Или сцена, когда дружинники князя догоняют художников, выполнивших работу по росписи храма, и ослепляют их всех.

По итогам спора каждый из нас остался при своем. Жаль, потому что фильм гениальный!

— В чем же была суть претензий уважаемого академика?

— Взять хотя бы парня, который ладит крылья... Эта легенда была развенчана еще в советские времена! С точки зрения историка эпизод с летящим

мужиком в «Андрее Рублёве» сомнителен. Но с точки зрения искусствоведа — это гениальный ход! В нашей стране всегда были, есть и будут люди, стремящиеся подняться над обыденностью! И совершенно не важно, был ли в истории России этот «воздухоплаватель».

Эпизод с ослеплением иконописцев тоже легенда, не имеющая исторических оснований. Зато она абсолютно органично ложится на главную, основную мысль киноленты: о вечном конфликте искусства и власти. Я бы даже уточнил: о вечном конфликте истинного художника, творца, и жестокой до безобразия власти!..

— Каков Лихачев был в работе?

— Его сотрудникам с ним было, безусловно, интересно работать. У него было чему поучиться. Внешне он казался человеком, лишенным каких-либо эмоций. Но теперь я понимаю, что в его душе всегда шло очень интенсивное движение...

В Пушкинский Дом и в Отдел древнерусской литературы вход был свободный. По средам в отделе проходили заседания. Выглядели они так: кто-то выступал с докладом, после чего начиналось обсуждение. Доклады предполагались самые разнообразные. Критерий был лишь один: тема должна быть интересной. Практически любой человек мог заявить тему и ему давали слово!

Помню, был доклад о древнейшем кондакарном нотном письме, которое иные исследователи называют исконно русским, а другие — византийским. Оно по сей день до конца не расшифровано. Тем не менее ученые из Ленинградской консерватории уже тогда сумели продемонстрировать с помощью приведенных на доклад исполнителей, как звучит пение по этим загадочным нотам...

Также ученые были заинтересованы в расшифровке музыки, записанной древнерусскими крюками. Первым расшифровывать крюки начал ленинградский ученый-музыковед Максим Викторович Бражников. В результате звукозаписывающая фирма «Мелодия» выпустила большую двойную пластинку, на которой Русская хоровая капелла исполнила древнерусские песнопения!

Кстати, к Бражникову в аспирантуру Ленинградской консерватории вскоре поступили двое молодых людей из Новосибирска — Борис Александрович Шиндин и Альбина Никандровна Кручинина. Кручинина первой из музыковедов стала ездить с нами в экспедиции. Ее заинтересовало предложение не заниматься расшифровкой крюков в тиши питерских кабинетов, а записывать живое исполнение старинных песнопений нынешними старообрядцами.

— Неужели старообрядцы до сих пор читают крюки?

— Читают и поют по своим древним записям. Да еще как поют!.. Мы исходили из того, что, если появится не только запись на бумаге старинного музыкального текста, но и аудиозапись старообрядческого исполнения этой музыки, это намного облегчит работу исследователей. И оказались правы! Обработка результатов наших экспедиций идет по сей день.

Древнерусская крюковая нотная рукопись

В специализированной литературе периодически появляются описания нотных рукописей, которые нам удалось собрать.

КНИГИ ИМЕЮТ СУДЬБУ

— Многих людей наверняка заинтересует вопрос, сколько древних книг вам удалось собрать на территории Сибири за полвека?

— Количество измеряется тысячами экземпляров. Они дают очень богатую пищу для размышлений. Книга — единственное живое свидетельство, дающее достоверное представление о мыслях, духовных интересах и чувствах русских людей прошлых веков. Любая библиотека несет на себе функцию сосредоточения духовных и культурных интересов человека разных эпох. На самом деле эта функция главная, только мы этого часто не замечаем... Зайдите в любую районную библиотеку Новосибирской области. Поинтересуйтесь, какие книги из их фондов наиболее востребованы читателями. И вы получите достоверный срез духовных запросов и интересов читательской аудитории этого района.

Как-то раз я из Российской исторической библиотеки привез в Новосибирск два контейнера редких книг. Это были книги, вывезенные из Германии по окончании войны. Как дублетные экземпляры они были не востребованы и хранились в подвалах московской библиотеки. Мне было разрешено покопаться среди этого богатства, выбрать, что сочту нужным, и отправить в ГПНТБ.

Две недели сидел в их запасниках. Поскольку ГПНТБ — научная библиотека Сибирского отделения Академии наук, моей задачей было выбрать книги, отражающие развитие европейской науки. Набралось целых два контейнера!

Древние манускрипты — книжные сокровища Сибири

Там были прижизненные издания Исаака Ньютона, Иоганна Кеплера, Антуана Лавуазье и много другого... Это были не просто книги, а произведения искусства с роскошными гравюрами! Стоило прилюдно развернуть страницы с иллюстрациями, к ним мгновенно возникал всеобщий, а не только научный интерес!

...Когда контейнеры пришли в Новосибирск, мы устроили выставку о европейской науке в библиотеке недавно открывшегося Дома ученых Академгородка. Нужно было видеть, как академики приходили взглянуть на прижизненные издания своих предшественников! Гравюра «Новейшие опыты с магдебургскими полушариями» XVII века, где изображены две упряжки по восемь лошадей, пытающиеся разорвать полусферы, из которых выкачан воздух, глубоко восхитила директора Института ядерной физики академика И. Г. Будкера. «Это шедевр, — восклицал он. — Я не подозревал, какого качества и размера эта гравюра! Высокая наука здесь соединяется с высоким искусством!»

Выставка имела огромный успех. Посмотреть на эти уникальнейшие книги пришла значительная часть жителей Академгородка. Тогда в городке царил совсем иная атмосфера. Помню обычный день. Иду по улице, а навстречу — Юрий Иванович Кулаков, физик-теоретик. Идет в огромном рыжем мольеровском парике и декламирует наизусть стихи! Ныне такое и представить невозможно.

Очень нам помогал советский математик академик Михаил Алексеевич Лаврентьев. Поскольку лично до него добраться было затруднительно, мы часто действовали через его жену Веру Евгеньевну. Самого Лаврентьева за глаза величали Дедом, а ее — Бабой Верой... Она ходатайствовала перед Михаилом Алексеевичем по нашим книжным делам. Если возникали сложности с деньгами на поездки, Баба Вера всякий раз живо откликнулась и — глядишь! — по распоряжению Президиума Сибирского отделения деньги для нас чудесным образом находились!

В постсоветские годы Министерство культуры России под руководством министра Михаила Ефимовича Швыдкого принялось безвозмездно возвращать в Германию из спецхранов, музеев и библиотек большое количество так называемых «перемещенных культурных ценностей». Параллельно было приостановлено издание каталогов культурных ценностей, похищенных у нас или уничтоженных Германией во время Великой Отечественной войны.

Немцы пунктуально зарегистрировали, что, когда и кем было из Германии вывезено в 1945 году. Они не просто записали в grossбухи свои потери и сложили в архив! На полки в книгохранилищах они поставили так называемые заместители, окрасив их в определенный цвет. На их обложках есть все: название, автор, год издания, типография, тираж... Нет только самой книги. По окраске этого заместителя все понимают: книга утрачена после Второй мировой войны. Постоянное, каждодневное напоминание. Ненавязчивое, но незабываемое!

Мы были не согласны с тем, что должны вернуть в Германию эти, как их называли, «хендехохнутые» книги. Во-первых, потому, что это могло положить начало нивелированию итогов Великой Отечественной войны. Во-вторых, эта акция напоминала унижительную процедуру возврата пойманым за руку ворюшкой украденной им вещи. Советские солдаты не были ни ворами, ни мародерами! Вывозя из Германии определенные культурные ценности, Советский Союз компенсировал ущерб, нанесенный немцами нашей стране за время их вторжения.

Коснулась эта история и меня. Немецкая сторона настаивала, чтобы трофейная литература, что была привезена мною еще в конце 1960-х годов из Русской исторической библиотеки в Новосибирск, была возвращена в Германию.

Этой экспансии было необходимо что-то противопоставить. Для начала я сделал доклад на международной конференции по перемещенным ценностям, которая проводилась в Москве. Смысл моего выступления заключался в том, что полвека, прошедшие с момента окончания войны, эти книги, по крайней мере, в Сибири, были в работе. В доказательство я ссылался на научные публикации, сделанные с использованием этих изданий. Я говорил, что их изъятие из оборота станет серьезным ударом по культуре и науке Сибири. Новосибирск является одним из ведущих центров сибирской, российской и мировой науки. Как можно оставить центр мировой науки без литературы по истории этой науки?!

Доклад опубликовали, и все утихло. Но лишь на время... Пошла вторая волна претензий. Поначалу на нас шли в атаку государственные библиотеки ФРГ. Потом на горизонте появились частные немецкие антиквары... На мой резонный вопрос: «Какое отношение вы, господа частники, имеете к перемещенным культурным ценностям и межгосударственным отношениям?» — они бормотали о разрешении, выданном некоей правительственной комиссией...

Выглядело это анекдотично. Но в те «веселые времена» для авантюристов на любом уровне не было ничего невозможного. Поэтому я предложил компромисс: поскольку эти книги стали важным элементом духовной жизни современной Сибири, но вы, господа, тоже желаете их получить, давайте сообща сделаем электронную версию интересующих вас книг, хранящихся в Новосибирске. За немецкие деньги! А после этого будем решать по каждому конкретному экземпляру: кому — оригинал, а кому — электронный носитель с копией. Впрямую я про деньги не говорил, но по тем безденежным для культуры России временам это было понятно само собой! После этого предложения все удивительным образом быстро затихло!

— Кроме немецких антикваров, у кого-то возникало желание завладеть книгами из вашего отдела?

— Была попытка украсть редкую книгу из читального зала. У нашего отдела еще не было своего читального зала, и мы были вынуждены выдавать литературу в залы общие. Книга оказалась уникальная — один из пяти известных экземпляров последнего издания типографии Николая Новикова XVIII века.

Этот тираж полностью не вышел в свет. По указу Екатерины II большая часть тиражей новиковских изданий была в 1788 году сожжена, а сам он арестован и отправлен в Шлиссельбургскую крепость... Я когда узнал об этом, просто обмер! Позже следователь допрашивал меня:

— Скажите, сколько эта книга стоит?

— Нисколько не стоит, — отвечал я. — Она библиотеке досталась по обмену, мы за нее ничего не платили!

Это была правда. По бухгалтерским документам книга была оценена в 0 рублей 00 копеек.

Но следователь не успокаивался. Ему нужно было указать стоимость похищенного в деле. В те времена закон предусматривал за кражу материальных

ценностей на сумму до 50 рублей более мягкую ответственность, нежели на сумму, этот порог превышающую. Пришлось объяснять почти на пальцах.

— Вот какая у вас, товарищ следовательно, любимая картина русской живописи?

— «Бурлаки на Волге»!

— Ну и сколько рублей, по-вашему, она может стоить? Сможете оценить?

— Не смогу!

— Вот и у нас с этой книгой — та же самая ситуация!

С букинистами Москвы и Ленинграда я в те времена поддерживал постоянную связь. Они целыми бандеролями присылали мне списки литературы, которая могла заинтересовать Государственную публичную научную библиотеку Сибирского отделения Академии наук СССР. Иной раз с их помощью библиотека делала ценные приобретения. Не скажу, что убедить наших распорядителей финансами в целесообразности выделить деньги на приобретение того или иного редкого интересного экземпляра было легко. Но у меня получалось внятно объяснить руководству необходимость покупки. То были воистину благословенные времена, когда книга еще имела ценность в общественном мнении...

— **У меня к вам личный вопрос... Вы всю жизнь имеете дело с редкими книгами. Не хотелось их коллекционировать?**

— Я бы разделил коллекционирование на два вида. Первым видом я и занимаюсь всю жизнь, коллекционирую интересные книги для библиотеки, за деньги библиотеки, и принадлежат эти книги всем. По словам А. И. Герцена, они «брошены в общественное употребление» и будут доступны любому читателю сегодня и в будущем.

О коллекционировании для себя лично я никогда не помышлял. Во-первых, я в душе не собственник-коллекционер. «Весь день минуты ждал, когда сойду / В подвал мой тайный, к верным сундукам...» (А. С. Пушкин, «Скупой рыцарь») — это не мое.

Во-вторых, я всегда четко разделял служебный интерес и личный, частный... Однажды уже в постсоветские времена я обнаружил у букиниста два изящных, любовно переплетенных в прекрасные полукожаные переплеты томика. Раскрыл и ахнул! Французское издание конца XIX века двух произведений Льва Толстого — «Михаил» («Чем люди живы») и «Смерть Ивана Ильича». Первое прижизненное издание произведений русского писателя-классика на французском языке! В переводе сербского князя Божидара Карагеоргия, бабушке которого в 1820 году молодой Александр Пушкин посвятил стихотворение! Этому изданию место в библиотеке, где оно станет предметом восхищения и изучения многих людей! Бегу в библиотеку, убеждая всех, от кого это зависит, что нужно купить эти издания! Результат нулевой, денег нет. Каждый день справляюсь, не купил ли кто эти книжные жемчужины? Запускаю идею покупки на другой уровень. Результат тот же. Наконец, дожидаюсь дня выдачи зарплаты, прибавляю к ней свою пенсию, покупаю книгу и дарю ее библиотеке.

При этом я очень хорошо понимаю коллекционеров. Первым чувством, которое возникает при знакомстве с уникальной книгой, является восхищение. Вторым — желание обладать этим экземпляром. У меня всегда преобладала тяга к обладанию совместно с другими людьми, способными разделить мой восторг перед книгой...

Однажды в глухом краю мы нашли книгу, считающуюся первой напечатанной на Руси. Это был знаменитый «Апостол» типографии первопечатника Ивана Федорова, изданный в Москве в 1564 году. Ее владелец, не устоявший в своих убеждениях молодой парень из старообрядцев, не хотел нам отдавать книгу просто так, а за 130 советских рублей соглашался подумать!

Таких денег у нас не было. Тогда я связался с бухгалтерией ГПНТБ и попросил прислать переводом до востребования мои отпускные, которые уже были начислены, так как мой отпуск начинался сразу по возвращении в Новосибирск. Сумма отпускных как раз составляла 130 рублей. Деньги прислали, и мы купили эту книгу! В сельсовете была взята справка, заверенная председателем, что книга куплена у такого-то гражданина за 130 рублей. Потом в Новосибирске я долго обивал пороги, чтобы получить свои отпускные назад! Позже мне сказали, что я мог с полным основанием оставить эту редчайшую книгу себе. Но у меня даже мысли об этом не возникало... Если вы сегодня из любопытства возьмете в руки этот экземпляр «Апостола», то на задней крышке с внутренней стороны в качестве доказательства моих слов увидите фиолетовый штампель «130 рублей».

— Стоимость такой книги на свободном рынке доходит до миллиона долларов! А вот еще скажите по секрету... По моим непроверенным данным, вы являетесь членом некоего элитного британского сообщества, где числится всего 50 человек! Расскажите об этом?

— Расскажу, конечно!.. Вы, наверное, удивитесь, но в нашем деле поиска и изучения памятников древней русской книжности есть два известнейших человека по фамилии Лихачев!

О Дмитрие Сергеевиче мы с вами уже говорили. Но в нашей профессии был еще один непреерекаемый авторитет — Николай Петрович Лихачев. Он не родственник Д. С. Лихачеву, но для всех славистов мира — крупнейший ученый.

Н. П. Лихачев — член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук с 1901 года, с 1925 года — академик Академии наук СССР, автор опубликованного в 1891 году четырехтомного фундаментального труда, ставшего классикой отечественной исторической науки под названием «Палеографическое значение бумажных водяных знаков». К этому историко-археографическому исследованию прилагались 116 таблиц-альбомов. Каждый производитель бумаги в Европе, а затем и в Московском государстве издревле ставил на выпущенную им продукцию в качестве своего, как сейчас говорят, логотипа собственный водяной знак.

Древние рукописные источники, попадающие в наши руки, иной раз не датированы. Это создает для исследователя серьезные трудности... Николай Петрович систематизировал рукописные документы, на которых были проставлены даты, сопоставив их датировку с водяными знаками бумаги, на которой эти источники написаны. И пришел к выводу, что у всякого производителя бумажной продукции водяной знак соответствовал определенной эпохе. Исходя из этих данных, Лихачев предложил условно датировать рукописные источники, на которых авторами не проставлены число и год написания...

Например, у исследователя находится документ, на котором имеется дата — текст написан в 1400 году. У того же исследователя есть документ, где дата не проставлена. При сопоставлении водяных знаков бумаги обоих документов

обнаруживается, что знаки идентичны. Исходя из этого совпадения, ученый делает вывод, что оба документа написаны примерно в одно время!

Это упрощенная схема того, как работал академик Николай Петрович Лихачев, приложив к своему исследовательскому очерку таблицы водяных знаков, соответствующих тому или иному времени. Сегодня с их помощью любой историк и археограф, столкнувшись с рукописным источником без датировки, может сверить водяной знак бумаги, на которой он написан, с таблицами Н. П. Лихачева и установить временной период, в который мог быть создан этот документ.

Работа Николая Петровича Лихачева так и не была переиздана в России. Поэтому его справочники стали величайшей редкостью! Но, скажу по секрету, в ГПНТБ есть два экземпляра этого издания. Один нам передал вместе со своей коллекцией академик Тихомиров, а второй мне посчастливилось достать в Ленинграде... (Смеется.)

Как-то английский славист Джон Габриэль Саймон Симмонс, большой друг нашей страны, поклонник и исследователь русских древностей, решил переиздать четырехтомник Николая Петровича Лихачева в редактируемой им «Монументальной библиотеке филиграней», издаваемой в Голландии. Он обратился ко мне с просьбой более подробно исследовать одну совершенно удивительную рукопись, которая хранится в нашем собрании.

Рукопись «Слова» Григория Богослова была подарена библиотеке академиком М. Н. Тихомировым и считалась самой древней датированной славянской рукописью на бумаге. С этого самого документа Н. П. Лихачев начинает отсчет славянской традиции палеографического исследования рукописей. Именно эта рукопись была в его собрании в XIX веке, а сейчас хранится в ГПНТБ СО РАН.

Джон Симмонс хотел прояснить дату рукописи. Н. П. Лихачев в своей работе указал, что датировка рукописи восстановлена по подчищенной в оригинале записи. Дата и в самом деле просматривалась нечетко: кто-то ее ранее подчищал. За век с того времени, как с документом работал Николай Петрович Лихачев, подчищенная буква, обозначающая год, еще сильнее выцвела и трактовать ее можно было с разлетом в десятилетия... Симмонс предположил, что с помощью современной техники ему удастся более точно определить год написания этого текста.

...Куда мне было идти с этой проблемой? Я вновь отправился в криминалистическую лабораторию МВД к Гарифу Гарифовичу Равилову. Как только мы не смотрели этот лист рукописи с подчищенной надписью! И в ультрафиолетовом, и в инфракрасном, и даже в лазерном излучении с разной длиной волны делали снимки. Но — увы! — увидеть первоначальный текст не удалось.

Симмонс занимал в Великобритании очень важную должность: он был библиотекарем Оксфордского университета. Библиотекарь у них — не совсем то, что у нас. Эта должность сродни должности хранителя библиотеки. Она даже выше должности директора.

Роль Симмонса для науки России трудно переоценить. Он — тот самый человек, который открыл миру первый русский печатный букварь — «Азбуку» Ивана Федорова, найдя ее в одном из немецких архивов в 1982 году. Букварь был в качестве русской диковины в свое время вывезен в Европу одним из немцев, побывавших в России. К тому моменту в мире был известен всего один

экземпляра «Азбуки» Ивана Федорова, который и поныне хранится в США в библиотеке Гарвардского университета...

Кроме того, Симмонс учредил Изысканное общество библиографов и библиофилов. Одной из основных установок этого общества было то, что членство в нем может быть предложено ведущему специалисту из любой страны, но число членов не должно превышать 50 человек. Симмонс придумал отличный знак для участников организации — у всех пятидесяти был особый галстук... Заочными членами этого элитного сообщества профессионалов посчастливилось стать Елене Ивановне Дергачевой-Скоп и мне! В Лондон я попал лишь в 1991 году, откуда доехал до Оксфорда и имел удовольствие воочию познакомиться с Джоном Симмонсом. Через некоторое время он скончался на 91-м году жизни... В память о нем мы с Еленой Ивановной издали книгу с описанием одного крупного современного собрания древнерусских книг в Сибири.

— **Кроме британского элитного клуба, вы являетесь членом другого удивительного и не менее изысканного сообщества — гуманитарно-просветительского клуба «Зажги свечу!»...**

— О клубе «Зажги свечу!» я услышал еще до того, как стал его членом. Я считаю себя достаточно мобильным человеком. Особенно был таковым в 1990-е годы... И откликался на все предложения, связанные с просветительскими проектами. Не помню, как так получилось, но в конце тех самых 1990-х я вместе с членами клуба «Зажги свечу!» ездил в Кольивань и имел удовольствие познакомиться с некоторыми из них...

В 1999 году к двухсотлетию Пушкина на региональном телевидении снимался цикл передач, посвященных Александру Сергеевичу. К участию в одной из них пригласили и меня. По сценарию участники должны были сидеть на крыше одного из новосибирских зданий и беседовать... о Пушкине! Моим собеседником оказался член клуба «Зажги свечу!» профессор Александр Арсеньевич Шапошников. Мы с ним довольно долго общались под прицепами телекамер. Он выглядел блестяще — в смокинге, с галстуком-бабочкой... А я пришел в виде более чем демократичном, трехкопеечном... Поскольку мы с Александром Арсеньевичем были ранее не знакомы, поначалу разговор складывался непросто. Выручило то, что говорили мы об общем, русском и великом... Как мне показалось, беседа получилась интересной. Когда эфир завершился, Шапошников предложил всей съемочной группе и мне отметить шампанским пушкинский день рождения, а заодно — наше знакомство...

В процессе неформального общения Александр Арсеньевич и предложил мне вступить в клуб «Зажги свечу!». Через определенное время я стал членом клуба. И считаю, что это дало мне дополнительную возможность для продолжения того дела, которое я люблю и которым я занимаюсь всю жизнь.

В клубе я оказался среди людей, которые понимают суть моей работы и моих увлечений. С ними я могу говорить абсолютно обо всем. Они необычайно отзывчивые и доброжелательные, искренние и радеющие о просвещении в обществе... Быть среди них для меня великое счастье и честь!

Сейчас, когда я уже не работаю в ГПНТБ, но продолжаю любить книги и работать с ними, я могу эти свои знания и эмоции отдавать людям, приобщая их к прекрасному книжному, всегда новому миру! Уверен, что современное

общество очень сильно обделяет себя, забывая о книге. Ведь Книга является стержнем духовного мира человека.

— **Что бы вы хотели сказать в заключение?**

— Сегодня распространен стереотип, что книга в своем традиционном виде изживает себя, что на смену ей должна прийти книга более современная — например, электронная. Действительно, значительное количество информации современный человек получает не через книгу, а с помощью телевидения и сети интернет. И некоторые предпочитают эти каналы книге.

Однако существующая тысячелетия книга в форме кодекса — стопы писчего материала, скрепленной определенным образом, обеспечивающим твердый порядок следования текста, оказывается настолько простым, совершенным и неизменяемым веками творением, что у меня есть сильные сомнения в правоте оппонентов книги в традиционной ее форме.

Не стоит забывать того, что одно из первых широких практических применений компьютерных технологий реализуется именно в процессе подготовки книги в ее традиционном типографском виде. Сегодня создание ни одной книги не обходится без помощи компьютера.

Книга — это гениальное изобретение человека. Ее форма органично соответствует человеческому способу интеллектуальной работы и поэтому не скоро изживет себя. Для многих людей, включая меня, Книга оказывается той Прекрасной Дамой, которой хочется по-рыцарски служить всю жизнь...

Беседовал Андрей Челноков.

